

ГИТЛЕРЛЕНД

Эндрю Нагорски

ГИТЛЕРЛЕНД

ТРЕТИЙ РЕЙХ ГЛАЗАМИ
ОБЫЧНЫХ
ТУРИСТОВ

Москва
2023

УДК 94(430)“1933/45”
ББК 63.3(4Гем)6
Н16Г

Andrew Nagorski

Hitlerland: American Eyewitnesses to the Nazi Rise to Power

Copyright © 2012 by Andrew Nagorski

All rights reserved, including the right to reproduce this book or portions thereof in any form whatsoever. For information address Simon & Schuster Subsidiary Rights Department, 1230 Avenue of the Americas, New York, NY 10020

First Simon & Schuster hardcover edition March 2012

SIMON & SCHUSTER and colophon are registered trademarks of Simon & Schuster, Inc

Коллаж на обложке Алексея Дурасова

Нагорски, Эндрю.

Н16 Гитлерленд. Третий рейх глазами обычных туристов / Эндрю Нагорски ; [перевод с английского М. Ю Смолиной]. — Москва : Эксмо, 2023. — 512 с. — (Гитлерленд. Трагедия нацистской Германии).

ISBN 978-5-04-174988-0

Можно ли заранее понять, какой кровью и жертвами закончится политика очередного государственного деятеля? Пример Гитлера показывает: мало кто владеет даром предвидения, но цена ошибки может быть чрезмерно высока.

Автор изучил десятки мемуаров людей, живших в Германии или посещавших страну в тридцатые годы прошлого века: дипломатов, военных, журналистов, писателей, артистов, спортсменов, бизнесменов, туристов.

Они видели насилие «партии власти» над политическими противниками; репрессии в отношении нацменьшинств, гомосексуалистов, социал-демократов и всех, кто не шел в ногу с наливающимся соком ненависти тоталитарным государством.

Некоторые из этих сторонних наблюдателей не задумывались, какими ужасами войны и Холокоста может кончиться популизм нацистов. Другие сознательно закрывали глаза на «перегибы», потому что им нравилась новая энергичная и воодушевленная Германия. Но даже те, кто критически относился к Гитлеру, смогли осознать истинные масштабы катастрофы, когда было уже поздно что-то изменить. Однако они пытались...

Благодаря Нагорски живые голоса свидетелей расцвета нацистского режима звучат в книге.

УДК94(430)“1933/45”
ББК 63.3(4Гем)6

ISBN 978-5-04-174988-0

© Смолина М.Ю., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Оглавление

Введение	9
ГЛАВА 1. «Нервный срыв»	20
ГЛАВА 2. Тучи сгущаются	53
ГЛАВА 3. Кит или минога?	94
ГЛАВА 4. «Я им покажу»	126
ГЛАВА 5. «Выбирайтесь отсюда скорее»	157
ГЛАВА 6. «Как футбол или крикет»	180
ГЛАВА 7. Танцы с нацистами	214
ГЛАВА 8. «Безумное чаепитие у Шляпника»	258
ГЛАВА 9. Форма и оружие	302
ГЛАВА 10. «На нашем острове»	350
ГЛАВА 11. «Может кормить белок»	381
ГЛАВА 12. Последний акт	425
Послесловие	440
Благодарности	446
Примечания	453
Библиография	500

*Посвящаю младшему поколению:
Кристине, Кайе, Майе, Сидни, Кэй
и Стелле.*

И, как всегда, Криси

Введение

Из всех американских репортеров, писавших о Германии в период между Первой и Второй мировыми войнами, именно Сигрид Шульц больше остальных оказалась готова к такой работе. Она родилась в Чикаго в 1893 г. Родители ее были норвежцами, и после восьми лет она прожила немало времени в Европе. Отец ее, успешный художник-портретист, переехал в Париж, так что Сигрид училась во французской школе. Когда ее отец получил заказ на написание портретов вюртембергской королевской четы, Сигрид провела несколько месяцев в школе в Германии, где не только освоила язык, но и получила представление о местном отношении к жизни.

«В те времена иностранных художников к германским дворам приглашали редко, так что другие девочки старались быть очень милыми со мной, — вспоминала Сигрид. — Но было понятно, что если ты не немец, то ты дефектный. И если иностранец не восторгался и не преклонялся перед немецкой Культурой, то к нему в лучшем случае относились со снисхождением».

Шульц изучала в Сорбонне международное право, а потом отправилась с родителями в Берлин. Оттуда она следила за событиями Первой мировой войны, глядя со стороны проигрывающих. Когда в 1917 г. США также вступили в войну, ей и ее родителям, ставшим «враждебными чужаками», пришлось каж-

дый день отчитываться перед полицией, но она смогла продолжить учебу в Берлинском университете. После войны она стала работать на *Chicago Tribune*, сотрудничая с берлинским корреспондентом этой газеты Ричардом Генри Литтлом, на которого произвело большое впечатление ее знание языков. Еще только поступив на свою новую работу, в 1919 г., она продемонстрировала и талант репортера, сотрудничая с Литтлом. Шульц и Литтл вместе взяли интервью у десятков немецких офицеров, чтобы получить представление об их настроениях в связи с поражением Германии. Большинство из них были сильно недовольны, но особенно это касалось «Редера, желчного спорщика в темно-синей флотской форме», как писала о нем Шульц. Этот немецкий офицер так сказал репортерам: «Не спешите гордиться, американцы. Самое позднее через 25 лет наши страны снова будут воевать. И в следующий раз мы победим, потому что подготовимся лучше, чем вы».

Американцы не рассердились тогда. Наоборот, Шульц писала: «Я прекрасно помню, что в тот день, в 1919 г., нам было очень жалко маленького мстительного Редера. Он так серьезно относился к поражению. Он просто сжигал себя ненавистью».

В 1926 г. Шульц стала главным корреспондентом *Chicago Tribune* в Центральной Европе и до 1941 г. продолжала жить в Берлине, поражая всех прибывающих в Германию американских корреспондентов (в основном мужчин) своим знанием страны и настойчивостью в поисках интересных историй. Позже, во время Второй мировой войны, она писала об этом в книге *Germany Will Try It Again* («Германия попробует это еще раз»). По ее оценкам, с мнением Редера были согласны очень многие его соотечественники, они стремились отомстить за свое поражение в прошлом глобальном

конфликте. К тому моменту она уже прекрасно знала, к чему привела эта жажда мести, так что можно задать ся вопросом, не повлияло ли ее знание на описание прошлых событий. Но что касается воспоминаний об интервью с Редером, то там она явно лишь добавила одну деталь, подчеркнув точность ее предсказания: «Когда почти двадцать два года спустя Адольф Гитлер объявил войну Соединенным Штатам, немецким флотом командовал гросс-адмирал Эрих Редер».

Есть много историй о жизни американцев во Франции и Великобритании в межвоенный период, есть даже истории о живших в Советском Союзе. Но по множеству причин американцы, жившие, работавшие или путешествовавшие по Германии во времена прихода к власти Гитлера и формирования Третьего рейха — включая Шульц и многих ее коллег, — подобного внимания не привлекали. О них очень часто забывают или же, как в случае дипломата Джорджа Кеннана, помнят, но не за немецкий период их биографии: это лишь глава их жизни, меркнущая на фоне иных событий, сделавших их знаменитыми. Так, Кеннан прославился созданием политики сдерживания Советского Союза, которой следовали президенты страны после войны.

В результате у американцев порой возникает впечатление, что крах Веймарской республики и дальнейший переход к террору и войне происходил в какой-то странной, изолированной от мира стране. Мало кто задумывается, не мог ли кто-то из их соотечественников видеть все это происходящим вживую и рассказывать об увиденном, в рамках своей работы или просто как любопытный наблюдатель, а также как эти рассказы могли влиять на мнение о Германии среди их соотечественников.

Сегодня принято считать, что намерения Гитлера были абсолютно очевидны с самого начала и что

единственным результатом его политики могли быть только Вторая мировая война и Холокост. Многие и не представляют, что в 1920-е и даже 1930-е американские репортеры, дипломаты, артисты, социологи, студенты и просто проживающие в Германии совершенно не видели и не понимали того, что происходило у них перед глазами. А ведь у них были места в первом ряду, они видели развитие самой большой драмы XX в. Некоторые из них не просто видели Гитлера живую, они с ним встречались и разговаривали: и когда он был еще местным агитатором в Мюнхене, и когда он стал всемогущим берлинским диктатором. Для них он был не абстрактным воплощением зла, а вполне живым политиком. Часть американцев начала к нему присматриваться очень рано, остальные заинтересовались, лишь когда он уже пришел к власти. Но даже те, кто не имел возможности столкнуться с ним лично, видели последствия его политики.

Однако они очень по-разному видели и оценивали происходившее в Германии, равно как и то, что представлял собой Гитлер. Некоторые признавали его природную, стихийную силу и талант обращаться к эмоциям и гневу немецкого народа, другие же видели в нем лишь клоуна, который исчезнет с политической сцены так же быстро, как и появился. Поначалу были и те, кто с симпатией относился к его движению и даже вступал в него, но также и те, кто очень быстро инстинктивно почувствовал тревогу, увидев в Гитлере угрозу не только для Германии, но и для мира.

Не одним американцам было неясно, что собой представляет Гитлер, не одни они оставляли его без пристального внимания. Отто Штрассер поначалу был сторонником Гитлера, а впоследствии сменил позицию и уехал из Германии. Есть его воспоминания об ужине с несколькими высокопостав-

ленными нацистскими партийными функционерами в 1927 г., на конгрессе партии в Нюрнберге. Когда стало ясно, что никто из них не прочел полностью автобиографический труд Гитлера *Mein Kampf* («Моя борьба»), они договорились, что будут спрашивать каждого проходящего, прочитал ли тот. Кто прочел — тот платит за всех. Как рассказывал Штрассер, прочитавших так и не нашлось, так что в результате каждый платил за себя.

Неостановимое развитие истории становится видно только тогда, когда смотришь уже назад в прошлое. На мнения американцев, наблюдавших за событиями прямо в процессе, влияло многое: их собственные предпочтения, различия кусочков реальности, которые наблюдали разные люди, а также человеческая способность видеть лишь то, что сам человек хочет, игнорируя все, что свидетельствует об ином положении дел. Шульц использовала интервью с Редером в 1919 г., чтобы проиллюстрировать свое мнение гораздо позже, когда США и Германия вновь вступили в войну: мнение, что гитлеровское движение было логичным следствием ненависти, накопившейся в стране после поражения в предыдущей войне. Но другие американцы после Первой мировой войны чувствовали себя в безопасности и хотели верить, что цена конфликта для Германии оказалась слишком высока и что случившееся оказалось достаточным практическим уроком. Эдгар Ансель Моурер, берлинский корреспондент другой чикагской газеты, *Daily News*, вспоминал, что в 1920-х гг. «большая часть американцев в Германии вполне справедливо надеялась, что поражение, унижение, инфляция и беспорядки внутри страны убедят немцев больше не пытаться становиться гегемонами в Европе».

Корреспонденты вроде Шульц и Моурера, равно как и дипломаты вроде Кеннана и его коллег, не были людьми неискушенными в жизни за границей, они уже учились и работали в разных местах Европы. Однако многие другие американцы, жившие в Германии в ту пору, были очень молоды и неопытны. Это, разумеется, влияло на их восприятие и реакции. Немецкое сочетание консервативной жесткости и нового послевоенного экстремизма, что в политике, что в сексуальных нравах, то очаровывало их, то шокировало, то завораживало.

Из-за необычной роли своей страны американцы в Германии также оказывались на особом положении. Хотя США и участвовали в Первой мировой войне, они вступили в нее на очень позднем этапе. Большая часть американцев совершенно не стремилась участвовать в новом европейском конфликте, и это влияло на изоляционистские настроения в стране. В результате американцы в Германии после войны оказались совсем в другой категории, нежели граждане других государств-победителей: их считали почти нейтральной стороной, гораздо менее свирепой, чем те же французы, и уж точно более склонной к умеренности по отношению к побежденным немцам. Американские наблюдатели были как бы в стороне, подальше от континентальных распрей.

Как и везде, эти американцы пользовались привилегиями людей обеспеченных: они могли видеть материальные трудности и рост насилия вокруг, но сами были обычно защищены. Они активно общались друг с другом, праздновали День благодарения и другие праздники, наслаждались заграничной жизнью — и посматривали на ширящийся водоворот великих событий вокруг. Луи Лохнер, бывший в тот период корреспондентом Associated Press, мимоходом упоминал

жизнь в «американской колонии» и «впечатляющее товарищество» среди американских корреспондентов, «даже тех, кто были друг другу яркими оппонентами». И действительно, возникали трения между теми, кто придерживался разных мнений о Гитлере и нацистах, а также о том, к чему ведет милитаризация страны. Игнали свою роль личные претензии и предрассудки. В те времена американское посольство в Берлине общалось гораздо более плотно, чем обычно в посольствах современных, так что его небольшой штат с членами своих семей часто ссорился на почве политических взглядов и мелких обид.

Кроме того, бывали трения между послами, назначенными из политических соображений, и профессиональными сотрудниками дипломатических служб, а также военными атташе. Теперь представьте, что поведение дочери посла оказывается на грани скандала, — и у вас есть готовое начало настоящей драмы. Все это может случиться в любом посольстве, но в Берлине это усиливалась общим напряжением, характерным для гитлеровского времени.

Американских же корреспондентов там в те времена работало гораздо больше, чем в наше: на самом пике, в середине 1930-х, их там было около 50 человек. В ту эпоху телеграфные агентства, газеты и иные периодические издания со всей страны — не только из Нью-Йорка и Вашингтона — посылали своих корреспондентов за границу, давая им изрядную свободу в поисках материала. Позже к ним присоединились радиопередачи.

Я работал иностранным корреспондентом в *Newsweek* в 1980-х и 1990-х гг. — и это были, на мой взгляд, золотые времена журналистики, особенно если сравнивать с ограничениями современного медийного бизнеса. Но мои предшественники в Бер-